

Нестер Т. Ю

21/III.86

Ашхабадская правда
г. Москва

21 АВГ 1986

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«ТАЛАНТЫ И ЧИНОВНИКИ»

Под таким заголовком 17 ноября прошлого года в нашей газете была опубликована статья, в которой критиковалась деятельность главного режиссера Государственного русского драматического театра имени А. С. Пушкина Г. Ю. Нестера. Критиковались его постановки и — главное — его неудовлетворительная педагогическая деятельность в институте искусств.

Сегодня у нас достаточно новых проблем, чтобы к старым возвращаться дважды. Но, к сожалению, других споров реально взглянуть на ситуацию, иных способов воздействия — нет. Необходимо вторичное вмешательство редакции. Надеемся, последнее.

Что происходит после критической статьи? Приходит официальный ответ...

Но его в редакции все не было и не было. Я получил его в Ашхабаде лишь восемь месяцев спустя после статьи. Как сообщили в горкоме партии, он был послан в апреле, то есть четыре (!) месяца понадобилось, чтобы расставить точки над «i» (сейчас трудно выяснить, почему до редакции официальный ответ спустя четыре месяца после публикации не дошел. Но в конце концов даже и не это самое главное, принципиальное значение имеет его содержание, о котором скажем позже).

Ситуация была такова: месяц, второй ответа не было, принцип гласности нарушен. А поскольку всегда найдутся люди, для которых честь мундира означает в первую очередь похвалу мундиру, приходится опять ворошить старое дело и снова доказывать то, что в статье уже было доказано.

Как только вышла статья — началась атака, которую повела заведующая отделом литературы и искусства газеты «Туркменская искра» Л. И. Качурина. В первую очередь, атака на студентов, в защиту которых и выступал корреспондент.

«Качурина после выхода статьи «Таланты и чиновники» часто приходила в инсти-

тут и беседовала буквально с каждым из нас. В каждой беседе Качурина навязывала свое мнение о Нестере и даже обвиняла нас в подлости по отношению к Нестеру. А мы просто хотели, чтобы он оставил нас в покое, потому что общение с ним было неприятным и даже невозможным». «После статьи к нам приходила Качурина, которая при опросе старалась перетянуть нас на сторону Г. Ю. Нестера...» Л. Качурина позвонила мне домой и пригласила меня к себе (оказывается, мы соседи). Там она стала вдалбливать мне, что оболгали золотого человека. Навязывала мнение о том, что корреспондент, якобы из личных побуждений, написал заведомую неправду. Мы с ней разошлись во мнениях и остались каждый при своем. На следующий день она побывала в институте и беседовала с другими студентами.

Это строки из писем бывших студентов Г. Ю. Нестера, которые они передали мне в Ашхабаде. Не знаю, какие еще методы воздействия могут к ним применить, — поэтому фамилий студентов не называю.

Вот они лежат передо мной, эти письма, написанные нервным, почти еще детским почерком. И больше всего меня поражает и задает, если хотите, что речь в них идет о моем коллеге-журналисте — человеке, в котором люди всегда видят защитника справедливости. Журналист — нередко та последняя инстанция, к которой обращается отчаявшийся, часто уже разубедившийся во всем человек. Но кажется мне, что не стремление отстаивать правду двигало Качуриной.

Естественно, появилось письмо-опровержение. И не одно. Подписали его трое: сама Качурина и два редактора киностудии «Туркменфильм» — Х. И. Гусейнов и Ф. К. Емелья-

нова. Письма полетели не только к нам в редакцию... Можно было бы здесь разбирать эти письма по пунктам и доказывать неправоту их авторов. Но, думаю, это вряд ли будет интересно читателю. Однако об элементарной честности авторов письма и человека, которого они защищают, можно судить по одному только факту.

Когда только начиналась учеба в институте, еще первые полсеместра не прошли, еще не угас восторг от того, что поступили, еще все преподаватели — а уж руководители курса точно — казались едва ли не богами, Нестер попросил ребят написать ему письма: что им нравится в институте, что не нравится, чего они ждут от совместной работы. Нестер обещал никому этих писем не показывать. Но... Цитаты из них используются теперь, как доказательства любви студентов к своему педагогу, вопрос же о том, как личные письма попали в чужие руки, предпочитают не обсуждать.

А вот что пишут о Нестере ребята сегодня: «Г. Ю. Нестер проработал с нами год. У меня сложилось о нем мнение, как о педагоге, очень плохое». «Со статьей «Таланты и чиновники» полностью согласен. С первого курса на нашем факультете складывалась нервная обстановка». «Очень часто на лекции, не зная, что говорить, Нестер рассказывал пошлые анекдоты».

Знаю, что мне могут возражать: мол, ребята, молодежь — что с них взять? К тому же летом в Ашхабаде весь курс найти не удалось — как же другие мнения? Пожалуй, другие мнения: взрослых, авторитетных людей.

Преподаватель института, куратор курса З. Н. Носова рассказывала мне, что отношения ребят с преподавате-

лем были плохие. Перед экзаменом по мастерству педагог сказал, что не несет ответственности за то, что ребята покажут — в общем, это неудивительно, потому что из плана групповых и индивидуальных занятий Нестер выполнил хорошо едва ли половину. Экзамен по сценической речи вообще занял у него... пятнадцать минут.

В. И. Глазунов, проректор института искусств, считает выступление газеты абсолютно верным. Работу Нестера в качестве преподавателя — неудовлетворительной. Институт вообще был против создания отделения «Актер театра драмы и кино». Нет ни кафедры, ни помещений, ни штатных преподавателей. Более того: с первого раза не смогли даже набрать студентов, пришлось организовать второй поток абитуриентов... Но, как говорит Глазунов, министр культуры очень хотел, чтобы отделение открылось. И оно открылось. И Нестер стал преподавать. 29 мая с. г. «Советская культура» выступила со статьей «Министерская драма», в которой деятельность министра культуры республики А. Мамилева была подвергнута серьезной критике.

Статья правильно поднимает вопросы воспитания кадров в республике. Мы этим тоже очень озабочены, — говорит министр. А я ему не верю.

Не верю, например, потому, что, говоря о заботливом отношении к кадрам, о том, — это уже конкретно, — что нужно поддерживать таких талантливых режиссеров, как Р. Исмаилов, министр уверенно сообщает, что Исмаилов работает в ашхабадском ТЮЗе. А он уволен по собственному желанию еще 28 января этого года.

Не верю я еще и потому, что с кадрами работников культуры в республике не

все обстоит хорошо. Вот, например, трудовая книжка Б. С. Шакиряна. Кем только он не работал: слесарем, мастером по пошиву чехлов, завскладом, а затем год... исполнял обязанности директора объединенной дирекции парков культуры и отдыха Ашхабада. Сегодня он — техник аттракциона.

Возможно, это вполне достойный человек. Но, согласитесь, вопрос с кадрами работников культуры решается странно.

Не хочу вдаваться в спор о том, хороший или нет Г. Ю. Нестер театральный режиссер. Скажу только о том, что ни один из критиковавшихся в статье спектаклей на гастроли в подмосковный Ногинск не поехал.

Может быть, и не стоило бы возвращаться к этой истории вторично, но проблемы, которые она вскрыла, уж больно сегодняшние. Наверняка не было бы ни писем опровержения, ни необходимости возвращаться к теме, если бы министерство приняло необходимые меры, а не пошло по пути наименьшего сопротивления. Нестер был «уволен по собственному желанию». (Заявление он положил не ректору — прямо на стол министру).

И уж точно, закончилась бы история еще в декабре, если бы критическое выступление газеты воспринималось как тревожный сигнал, а не как нападки на некоторых «уважаемых», как считают в министерстве республики, людей. Если бы официальный

ответ пришел быстро и был бы действительно ответом по существу. Ведь гласность — значит все вместе, коллективом, обществом ставить проблемы и стараться их решать.

А что официальный ответ, подписанный секретарем Ашхабадского горкома Компартии Туркменистана Ж. Чарыевой? В нем сообщается, например: «Уровень преподавания материалов, отсутствие специальной педагогической подготовки послужили причиной освобождения т. Нестера от преподавательской деятельности в конце 1984-85 учебного года». Напомню: Нестера не освободили, а он ушел по собственному желанию. Еще написано, что Исмаилов работает режиссером туркменского ТЮЗа. Напомню: это не так...

Каждый день, приходя в редакцию, я жду, когда на меня придет то, что журналисты почему-то называют «телега». Я знаю, что Качурина, Емельянова и Гусейнов напишут, что приехавший корреспондент не разобрался, что был необъективен и что-нибудь еще, что даже представить себе трудно. На всякий случай сообщаю им: в Ашхабаде у меня было семнадцать встреч с двадцатью пятью людьми. Если этого кажется мало, готов встречаться с кем угодно и сколько угодно. Только, по-моему, время встреч в этой истории прошло. Наступило время решений.

А. МАКСИМОВ.
(Наш спец. корр.).
Ашхабад.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Бывает же такое! В вечерней почте редакции оказался конверт из Ашхабада. Письмо, содержащее обвинение в «предвзятостях», на этот раз уже нашего специального корреспондента А. Максимова. И авторы письма все те же, и стиль все тот же...

Но нашим ответом может быть только то, что уже сказано в публикации. Мы будем надеяться: точку в этой перепалке и главное — в этой истории — в Ашхабаде все же поставят!